

А. Н. Николюкин

ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ НАЯДА, или БЕЛАЯ ДЬЯВОЛИЦА

«Зеленоглазой наядой» назвал Зинаиду Гиппиус Александр Блок — не только за памятные всем, кто знал юную жену Д. С. Мережковского, русалочьи глаза и золотисто-рыжие волосы, нездешность, устремленность к тому, «чего нет на свете». Блок обратился со стихами к «наяде» в роковой 1918 год, получив ее книгу «Последние стихи» и желая отметить главное в ее натуре — невозможность несвободы. Отторжение «наяды» от природной стихии, где «рыбок златые гуляют стада», где «хрустальные есть города», грозит гибелью, превращением в «чудо морское, с зеленым хвостом», как то случилось с «морской царевной» Лермонтова, отторгнутой сильной рукой от природного мира, о чем скорбел еще В. В. Розанов¹.

Блок знал, что за русалочьим взглядом изначально скрывалось умение видеть и провидеть, своеобразная жесткость и жестокость. В своем стихотворном послании, написанном в пору разлада с Гиппиус во взглядах на революцию и интеллигенцию, он дал лаконичный и точный портрет, может быть, самый точный из множества словесных посвящений, критических отзывов и мемуарных страниц (хотя самой Зинаиде Николаевне стихотворение не понравилось):

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвие целую, глядя в даль...

А ведь лезвие «ядом напоенного кинжала» — не тот ли самый «алый меч», который, по мысли Гиппиус, на заре или в час зака-

¹ *Розанов В. В.* Во дворе язычников // *Розанов В. В.* Собр. соч. М., 1999. С. 318.

та пронзает душу избранного с тем, чтобы убить или возродить к новой, уже высшей, духовной жизни. В стихах и прозе, в дневниках и письмах, в пьесах и критических статьях — то, что предназначалось читателю, и то, что оставалось ее тайной, в какой-то миг доверенной бумаге, — она мучительно ищет для себя и других «Третье царство», открывающее мир должной, но, как свидетельствует все ее творчество, недостижимой гармонии духа и плоти. Ею отрицались традиционно предложенные человеку ситуации брака и семьи. Ее идеальный союз с Мережковским был открыто заявленным триумфом духа при подчеркнутом девстве супруги, долгие годы носившей девичью косу.

Зинаида Гиппиус — одна из центральных фигур эпохи Серебряного века, недолгой, но блистательной поры русского религиозного и культурного Возрождения с его историческими прозрениями, мистикой, религиозно-философскими исканиями и художественными открытиями. Войдя в литературу в пору символизма, она воплотила в творчестве его главный завет — слияние личной судьбы с созидаемым искусством, воплощение личности в мире фантазии. Первые книги стихов и рассказов Гиппиус — зеркало, в котором она видит мир и себя, и в то же время зазеркалье, где блуждают ее персонажи, не находящие путей и выхода из лабиринта.

К ней рано пришло признание, ее называли «декадентской мадонной», хотя ей мало импонировало причисление к декадентству, изначально отрицательно воспринятому русским обществом. Ранний период ее творчества отмечен настроениями разочарований, крушений, мучительных поисков и тупиковых ситуаций, приводящих к самоубийству или ведущих нормального человека в дом скорби.

Собственно, Гиппиус даже боролась с декадентством как эстетической системой, но в живой творческой практике пребывала в его смутном царстве. В своей прозе она предвосхищает более поздние искания западноевропейского модернизма. В шестой книге рассказов «Лунные муравьи» в дневнике самоубийцы от 1909 года она исследует процесс «превращения» героя в насекомое, намного опередив знаменитый рассказ Ф. Кафки «Превращение»: «Я тоже несколько не думаю о смерти, живу себе спокойно. Но вспоминая — вспоминаю, как я был человеком. Могу, пожалуй, проследить, когда именно началось это мое (наше) превращение. Да, да, вот когда кончились “переворотные” годы. Они кончились, а превращение началось; ведь тогда-то и поползли первые струйки ядовитого газа. Я прежде не любил вспоми-

нать этих годов, времени, когда я еще был человеком, — но раз уж я понял и покорился муравьиности, то можно и вспомнить».

В контексте названия книги «Лунные муравьи» можно понять, почему написанные через много лет воспоминания о Блоке Гиппиус назвала «Мой лунный друг», как бы отсылая к своему рассказу о превращении человека в муравья. Простив Блоку «Двенадцать» лично, она не простила его, как говорила, «общественно», тяжело переживая и гневаясь, писала о заблудших или «потерянных детях», выбравших не поиски путей к Третьему завету, но доверившихся социальным утопиям.

Попытка пробудить «новое религиозное сознание», предпринятая Гиппиус вместе с мужем Д. С. Мережковским и другом Д. В. Filosoфoвым для основания «будущего Царства Божия» на земле, имела определяющее значение для всей жизни писательницы. Единение этих трех лиц и их усилия по созданию «нового религиозного сознания» Гиппиус именовала «Главным». Она вела беседы с Filosoфoвым и Василием Васильевичем Розановым о том, что существующая Церковь не может удовлетворить людей их круга, что Церковь нужна как лик религии евангельской, религии Плоты и Крови. Она понимала любовь как воскрешение личности, слияние ее с Божественным началом и преодоление смерти. Любовь к Богу через любимого человека при абсолютном равенстве обоих любящих. Иначе она не мыслила себе плотской любви. Отказываясь от аскетизма, она утверждала (в дневниках и в ранних рассказах), что только в любви можно осуществить смысл и значение человеческого бытия.

В своих стихах и рассказах Гиппиус часто выступает от имени мужчины. В Петербурге, а затем в русской эмиграции это объясняли ее гермафродитизмом, бисексуальностью, андрогинией, однако это было вызвано, скорее, ее ощущением своего превосходства над мужчиной, силой характера, волевым началом. Это хорошо понимал Блок, видевший в ней сильную и волевою женщину, а не Антона Крайнего (один из наиболее известных псевдонимов писательницы). «Женщина, безумная гордячка», — обратилась он к ней в своем послании.

Героини рассказов Гиппиус — натуры цельные и сильные, в противоположность мужчинам. «Слабый убивает сильного», — пишет она в рассказе «Златоцвет» о самой близкой себе по духу героине Валентине Сергеевне, которую из мучительной любви убивает бездарный литератор, поклонник только что вошедшего в моду Оскара Уайльда. Героини Гиппиус — мисс Май, Марта, Маргарет не находят счастья, хотя упорно ищут его на

путях к нетрадиционному Третьему Богу как воплощению высшей духовности, единственно способной спасти.

Вереница созданных Гиппиус в рассказах и романах («Без талисмана», «Победители», «Чертова кукла», «Роман-царевич») образов многообразна. Ее персонажи представляют все слои общества: от прислуги до барина, от холодных и непорочных «наяд» до проституток, лощеных правоведа, молодых профессоров, студентов, крестьян, литераторов (особенно ей неприятных), филеров, террористов и агентов охраны. И все они несчастны по-своему. Столь модные в те годы «новые люди», преданные «делу», под ее пером скучны, лишены духовной почвы. Это очень странные люди, изображенные в иронической манере, которой так великолепно владела Гиппиус. Герой рассказа «Смирение» вызывает на любовное свидание девушку Олю только затем, чтобы сказать ей: «Ольга Александровна, я совсем не хочу, чтобы вы любили меня; я сам не люблю вас так сильно, чтобы жениться на вас; мне неприятно, если вы будете страдать из-за меня». В рассказах Гиппиус прочно поселяется скука, съедавшая чеховских героев, бесприютность и отчужденность. Если «двое» встречаются, один из них неизменно оказывается несостоятельным в исходе духовного поединка.

Когда в 1901 году в Петербурге начинаются Религиозно-философские собрания, призванные объединить просвещенное духовенство с художественной интеллигенцией, Гиппиус становится одним из организаторов этих встреч. В те годы происходит перевоплощение «наяды» в «белую дьяволицу». Постоянный секретарь Мережковских В. Злобин вспоминает, что она специально «заказывает себе черное, на вид скромное, платье. Но оно сшито так, что при малейшем движении складки расходятся и просвечивает бледно-розовая подкладка. Впечатление, что она — голая. Об этом платье она потом часто и с видимым удовольствием вспоминает, даже в годы, когда, казалось бы, пора о таких вещах забыть. Из-за этого ли платья или из-за каких-нибудь других ее выдумок, недовольные иерархи, члены Собраний, прозвали ее “белая дьяволица”»².

Однако поэзия «белой дьяволицы» более рациональна, нежели чувственна. Ее стихи нередко определяли как «формулированные мысли». Но были и такие, обращенные к себе самой, когда она стремилась разобраться в мире своего «я», его фантоме, зеркальном отражении. Стихи, написанные от имени мужчины,

² Злобин В. Тяжелая душа. Вашингтон: Русское книжное дело в США, 1970. С. 22. См. наст. изд. С. 831.

символически изысканны и холодны. В стихотворении «Она» (1905) само название дистанцирует поэтессу от образа, отраженного в зеркале сознания. Страшное отражение как бы преследует саму Гиппиус:

В своей бессовестной и жалкой низости,
Она, как пыль, сера, как прах земной.
И умираю я от этой близости,
От неразрывности ее со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно-жгучая
Ее коленчатая чешуя.

Подобных стихов в наследии Гиппиус немного, и это позволяет исследователю ее поэзии А. В. Лаврову заметить: «Философичность стихов Гиппиус и связанные с этой доминирующей линией господство рационального начала и дефицит эмоциональной непосредственности неизменно отмечались как наиболее уязвимые черты ее поэтического творчества»³. И хотя «склон души» поэта лучше видится в совершенстве им созданного, художнику свойственно и то, что у других может вызывать отторжение и даже неприятие.

В начале Первой мировой войны Мережковский и Гиппиус по религиозным мотивам весьма отрицательно относились к войне, искали Царство Божие на земле. «Оба мы сказали решительное “нет!” войне»⁴, — вспоминала много лет спустя Гиппиус. В докладе, произнесенном в Религиозно-философском обществе в ноябре 1914 года, она утверждала, что война является осквернением человечества. Однако со временем пришла к мысли, что только «честная революция» может по-настоящему покончить с войной.

Подобно другим символистам, Гиппиус видела в революции великое духовное потрясение, призванное очистить человека и создать новый мир духовной свободы. Она полагала, что установление демократии даст возможность расцвета идеи свободы (в том числе религиозной) перед лицом закона. Религиозный анархизм ее прежних выступлений в Религиозно-философском обществе сменился верой в идею демократического государства.

³ Гиппиус З. Н. Стихотворения / Вступ. ст., сост. А. В. Лаврова. СПб.: Академический проект, 1999. С. 30.

⁴ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 215.

Революция воспринималась Гиппиус как исход «разрушительных» и «созидательных» сил, издавна дремавших в недрах России. Керенский представлялся человеком, который мог бы уравновесить эти две силы, выпущенные революцией на свободу, и преобразовать их в «творческую революционную Россию»⁵. Гиппиус верила, что будет создана Свободная Россия — новая страна, какой еще не бывало в истории. Она надеялась, что революция раскрепостит людей и их религиозное сознание, которое долгие годы подавлялось самодержавием и Церковью. И вся была в ожидании.

Во время войны и в первые годы революции Гиппиус вела свой «Петербургский дневник», который писался «около решетки Таврического дворца», где заседала Государственная дума, а Мережковские жили напротив, на Сергиевской, 83 (ныне ул. Чайковского). События разворачивались в 1917 году с невиданной быстротой. В квартире раздавались телефонные звонки, приходили «исторические личности», особенно часто эсеры и кадеты, кипела напряженная работа мысли. В дневнике Гиппиус изображает дело так, словно это и был центр, где решались многие политические вопросы того времени.

Когда несколько лет назад мне довелось побывать в этой квартире, я увидел, что вместо предполагавшегося музея писателя ставший хозяином «новый русский» ведет перепланировку помещений. В сохранившейся гостиной еще доживал свой век сын лакея, служившего у Мережковских, а его милая жена-старушка с любовью показала мне и погладила рукой изразцовую печь, у которой любила сидеть и греться «Зинаидочка». Рабочий стол Мережковского за ненадобностью был вынесен во двор, квартира опустела и, как бывает на Руси, забыли старого Фирса, хранившего память прошлого.

Дневник Гиппиус 1917 года рисует картину сползания страны в бездну безумия. Гиппиус видела медовый месяц революции — Февраль, и теперь ей предстояло увидеть ее «в грязи, во прахе и в крови». Особую неприязнь ее вызывали разрушители России большевики. «Главные вожаки большевизма — к России никакого отношения не имеют и о ней меньше всего заботятся. Они ее не знают — откуда? В громадном большинстве не русские, а русские — давние эмигранты. Но они нащупывают инстинкты, чтобы их использовать в интересах... право не знаю точно, своих или германских, только *не* в интересах русского народа».

⁵ *Pachmuss T.* Zinaida Hippus. An intellectual profile. Carbondale, Edwardsville: Southern university press, 1971. P. 193.

28 октября 1917 года Гиппиус записывает в дневнике: «Только четвертый день мы под “властью тьмы”, а точно годы проходят». Последней точкой борьбы стало Учредительное собрание в Таврическом дворце. Последняя ночь, единственная ночь жизни Учредительного собрания. Лишь под утро большевики решили, что довольно этой комедии. Матрос Железняк (знаменитый тем, что на митингах требовал непременно «миллиона» голов буржуазии) объявил, что утомился и закрыл собрание. Дальше, пишет Гиппиус, — падение, то медленное, то быстрое, агония революции, ее смерть. «О, какие противные, черные, страшные и стыдные дни!» — восклицает писательница и создает 9 ноября того же года стихи о судьбе русской интеллигенции в страшные годы революции:

Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Это уже не та модная поэтесса, женское стихотворение которой «Боль» (1906) вызвало скандал, обвинение в непристойности и издевательское пародирование («И я такая липкая...»):

И я такая добрая,
Влюблюсь — так присосусь.
Как ласковая кобра, я,
Ласкаясь, обовьюсь.

Февральская революция была радость, как «вспыхнувшая зарница». Октябрьская — «тьма, грохот, кровь и — последнее молчание... Время остановилось. И мы стали “мертвыми костями, на которые идет снег”». Этот образ из розановской книги «Опавшие листья» свидетельствует о различии в понимании России и революции. Для монархиста Розанова «омертвение» страны началось с Февральской революции, в которой он видел конец России и писал о «Распавшемся царстве». Для «дамы с лорнетом» (как позднее назвал Гиппиус С. Есенин) гибель России связывалась с падением Временного правительства и разгромом Учредительного собрания.

«Между революцией и тем, что “сейчас происходит”, — говорила Гиппиус, — такая же разница, как между сияющим тогдашним небом весны и сегодняшними грязными, темно-серыми, склизкими тучами». Большевистский переворот 25 октября произвел на всю интеллигенцию, за редкими исключениями, тягчайшее впечатление: «Расстрелянная Москва покорила большевикам. Столицы взяты вражескими — и варварскими — войсками. Бежать некуда. Родины нет».

В стране наступило, по словам Мережковского, «царство Антихриста». В Царском Селе убили священника за молебен о прекращении бойни (на глазах его детей), записывает в дневнике Гиппиус 3 ноября. Она отвернулась от своих бывших друзей — А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, ставших сотрудничать с новыми властями, которые для нее были воплощением «царства Дьявола». В феврале 1918 года она создает панихидную песнь России:

Если гаснет свет — я ничего не вижу.
 Если человек зверь — я его ненавижу.
 Если человек хуже зверя — я его убиваю.
 Если кончена моя Россия — я умираю.

Но несмотря ни на что Гиппиус любит свою Россию и отказывается признать ее гибель навсегда. В декабре 1918 года рождаются строки, наполненные болью за грядущие судьбы страны:

Она не погибнет, — знайте!
 Она не погибнет, Россия.
 Они всколосятся, — верьте!
 Поля ее золотые.
 И мы не погибнем, — верьте!
 Но что нам наше спасенье:
 Россия спасется, — знайте!
 И близко ее воскресенье.

В дневнике Гиппиус описывает массовые расстрелы интеллигенции, дворян, офицеров. Близкий Мережковским человек, арестованный по доносу домового комитета, но через три недели выпущенный, рассказывал: «Расстреливают офицеров, сидящих с женами вместе, человек 10—11 в день. Выводят во двор, комендант, с папирской в зубах, считает, — уводят... Этот комендант (коменданты все из последних низов), проходя мимо тут же стоящих, помертвевших жен, шутил: “Вот, вы теперь молодая вдовушка. Да не жалейте, ваш муж мерзавец был. В красной армии служить не хотел”».

Характеризуя вождей революции, запустивших в действие эту «кровавую мясорубку», Мережковский отмечал в «Записной книжке»: «Среди русских коммунистов — не только злодеи, но и добрые, честные, чистые люди, почти “святые”. Они-то — самые страшные. Больше, чем от злодеев, пахнет от них “китайским мясом”»⁶. Так называлось мясо расстрелянных, будто бы

⁶ Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н. и др. Царство Антихриста. Мюнхен: Drei Masken Verlag, 1921. С. 241.

продававшееся на рынке китайцами. Так начиналось истребление генофонда русского народа, русской культуры.

Более двух лет Мережковские прожили в «Совдепии», как именовали в те годы новые условия жизни те, кто оказался в эмиграции сразу после Октябрьского переворота. Сначала это была эмиграция «внутренняя», превратившаяся со временем в фактическую. Гиппиус и Мережковский всегда надеялись на свержение большевистской власти. Узнав о поражении Колчака в Сибири и Деникина на юге, они решили бежать из России. Подали заявление в Петроградский совет с просьбой разрешить выехать за границу для лечения. Ответ был категоричен: «Не выпускать ни в коем случае», — в связи с чем Мережковский заметил: «С безграничной властью над полуторастами миллионов рабов, люди эти боятся одного лишнего свободного голоса в Европе. Замучают, убьют, но не выпустят»⁷.

В тишине холодных и бессонных петроградских ночей Мережковские взвешивали две одинаково страшные возможности: жизнь в России — умирание телесное и духовное, растреление, оподление; побег — почти самоубийство, «спуск из тюремного окна с головокружительной высоты на полотенцах связанных». Сначала хотели бежать через Финляндию, потом через Латвию и, наконец, через Польшу. Три раза уже было все готово и только в последнюю минуту срывалось. Многие знали о предстоящем отъезде, по городу ходили слухи, и Мережковские жили под вечным страхом доноса. В конце концов путем унижений и обманом удалось получить бумажку на выезд из Петрограда — мандат на чтение просветительных лекций в красноармейских частях.

И вот в морозную ночь 24 декабря 1919 года чета Мережковских, их друг Д. В. Философов и Владимир Злобин, молодой секретарь Зинаиды Николаевны, покинули Петроград. Мережковский вспоминал: «Мглисто-розовым декабрьским вечером, по вымершим улицам со снежными сугробами, на двух извозчичьих санях, нанятых за 2000 рублей, мы поехали на Царскосельский вокзал. На вокзале — последний митинг с речами коммунистов, с концертом оперных певичек и заунывным пением Интернационала. Вагон был завален сундуками и мешками. В купе для четырех было четырнадцать человек и такой воздух, что Гиппиус сделалось дурно». Трое суток пути до Бобруйска были сплошным бредом: «Налеты чрезвычайки, допросы, обыски, аресты, пьянство, песни, ругань, споры, почти драки из-за

⁷ Там же. С. 243.

мест, духота, тьма, вонь, ощущение ползающих по телу насекомых...»⁸ После прифронтового города латышский возчик повез глухими лесами. Наконец польский легионер пропустил их через линию польского фронта, и беглецы переехали заповедную черту, отделявшую «тот мир от этого». Железный занавес оказался позади.

Литературная репутация Мережковских привлекала внимание и вызвала интерес среди русских эмигрантов и польской шляхты в Минске, куда они первоначально попали. Они читали лекции, писали политические статьи в газете «Минский курьер», а в середине февраля 1920 года переехали в Варшаву. Теперь они полностью погрузились в активную политическую деятельность. В своем скромном номере в «Краковской» гостинице они принимали польских графов и епископов, членов Русского комитета, послов и консулов, репортеров и журналистов. Жизнь снова наполнилась для них смыслом, борьбой за свободу России.

По мнению Мережковских, после катастрофы большевистского переворота в России Польша стала страной «потенциальной всеобщности», которая может положить конец вражде разъединенных наций. Преодолев долголетнюю взаимную ненависть, Польша и Россия перед лицом общей опасности большевизма должны создать союз братских народов, объединенных любовью и дружбой ко всему человечеству. Когда же 12 октября 1920 года Польша и Россия подписали перемирие и правительство Пилсудского официально объявило, что русским людям в Польше воспрещается критиковать власть большевиков под страхом высылки из страны, Гиппиус обвинила Пилсудского и другие европейские страны в том, что они «упустили момент» для выполнения своей великой миссии и не распознали той опасности для будущего, которую представляет собой большевистский строй. Через неделю, 20 октября, Мережковские выехали из Варшавы в Париж, остановившись по дороге в Висбадене.

В эмиграции Гиппиус оставалась последовательно верна эстетической и метафизической системе мышления, сложившейся у нее в предреволюционные годы, особенно в результате участия в Религиозно-философском собрании, преобразованном позднее в Религиозно-философское общество. Эта система полагалась на идеях свободы, верности и любви, вознесенной до Бога, до Небес, до Христа.

Поэт и литературный критик Юрий Терапиано, которого Гиппиус называла своим «постоянным другом и единомышлен-

⁸ Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н. и др. Царство Антихриста. С. 246.

ником», вспоминал о парижских годах жизни писательницы: «С самого начала Зинаида Гиппиус поражала всех своей “единственностью”, пронзительно-острым умом, сознанием (и даже культом) своей исключительности, эгоцентризма и нарочитости, подчеркнутой манерой высказываться наперекор общепринятым суждениям и очень злыми репликами. “Изломанная декадентка, поэт с блестяще отточенной формой, но холодный, сухой, лишенный подлинного волнения и творческого самозабвения”, — так определяли Гиппиус»⁹. Но декадентская поэзия, символистские «бездны и тайны», а после революции нежелание понять значительность того, что произошло с Россией, ее «мстящие» и «гневные» стихи — все это, по словам Терапиано, в конце концов сменилось подлинно человеческими нотами, и даже ее «метафизика» стала иной, более примиренной, более мудрой.

Обосновавшись в Париже, где у них еще с дореволюционных времен сохранилась квартира, Мережковские возобновили знакомство с К. Д. Бальмонтом, Н. М. Минским, И. А. Бунинным, И. С. Шмелевым, А. И. Куприным, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, Л. Шестовым и бывшим председателем Религиозно-философского общества А. В. Карташевым. Во время поездок в Италию возобновились встречи и дискуссии с Вяч. Ивановым.

В 1925 году в Праге вышли два небольших томика литературных воспоминаний Гиппиус «Живые лица». В далеком зарубежье она вспоминала о живых и умерших — о Блоке, Брюсове, Розанове, Ф. Сологубе и многих других. В Ходасевич в «Современных записках» высоко оценил художественное мастерство этих мемуаров и в то же время попытался опровергнуть некоторые «слухи», в частности о Горьком и Розанове, которыми пользовалась Гиппиус. Ответное письмо Ходасевичу, в котором она объясняла, что такое были «слухи» в то время (так, «слух» о расстреле известного журналиста М. О. Меньшикова оказался правдой), Гиппиус закончила словами: «Вы больше любите Горького, я — больше Розанова»¹⁰.

В 1926 году Мережковские решили организовать литературное и философское общество «Зеленая лампа», президентом которого стал Г. В. Иванов, а секретарем В. А. Злобин. Как вспо-

⁹ Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос, 1987. С. 34.

¹⁰ Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. [S. l.]: Ann Arbor; Ardis, 1978. С. 41.

минает Терапиано, один из постоянных посетителей собраний «Зеленой лампы», Мережковские хотели создать нечто вроде «инкубатора идей», род тайного общества, где все были бы между собой в заговоре в отношении важнейших вопросов. Общество сыграло важную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции и в течение ряда лет собирало лучших представителей русской зарубежной интеллигенции.

Первое собрание «Зеленой лампы» состоялось 5 февраля 1927 года в здании Русского торгово-промышленного союза в Париже. Во вступительном слове В. Ходасевич напомнил о собраниях «Зеленой лампы» начала XIX века, в которых принимал участие молодой Пушкин. Мережковский сказал, что пламя Лампы светит сквозь зеленый абажур, то есть сквозь зеленый цвет надежды. Для Гиппиус зеленый цвет ассоциировался с верой в религию, в Россию, в высокие идеалы человечества.

Стенографические отчеты первых пяти собраний напечатаны в журнале «Новый Корабль», основанном Гиппиус. В своем докладе «Русская литература в изгнании», прочитанном на первом заседании, Гиппиус отметила особую миссию русской литературы в изгнании — необходимость учиться истинной свободе слова. Она предлагала отказаться от узости, от партийности и даже от многих прежних «заветов», которые теперь уже не могут соблюдаться.

Главной темой русской зарубежной литературы Гиппиус считала правду изгнанничества. Сопоставляя эту литературу с советской, она предлагала конкретный исторический подход к этим двум явлениям. «Ведь когда мы просто литературу советскую критикуем, мы делаем не умное и, главное, не милосердное дело. Это все равно, как идти в концерт судить о пианисте: он играет, а сзади у него человек с наганом и громко делает указания: “Левым пальцем теперь! А теперь вот в это место ткни!” Хороши бы мы были, если б после этого стали обсуждать, талантлив музыкант или бездарен!»¹¹

Этот образ «человека с наганом» воспринимался Гиппиус достаточно широко — как «приказ собственной воли» («становясь на горло собственной песни», по выражению Маяковского). Такое понимание восходит к ее статье «Как пишутся стихи» (созданной в том же 1926 году, что и известная статья Маяковского с аналогичным названием), в которой утверждается преэминентность русской культурной традиции в литературе русского зарубежья.

¹¹ Цит. по: Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа... С. 51.

На каждое собрание «Зеленой лампы» по списку, составленному Гиппиус, приглашались литераторы, философы, журналисты, а при входе секретарь В. А. Злобин взимал с каждого небольшую плату для покрытия расходов по найму зала. Собрания начинались точно в девять. И. А. Бунин с супругой, Б. К. Зайцев, М. А. Алданов, А. М. Ремизов, Н. А. Тэффи и другие литераторы занимали места в первом ряду. Часто бывали редакторы журнала «Современные Записки» М. В. Вишняк, В. В. Руднев и И. И. Бунаков-Фондаминский, а также И. П. Демидов и С. И. Талин из «Последних Новостей», С. К. Маковский из «Возрождения». Участниками прений были философы Н. Бердяев, Л. Шестов, К. Мочульский, Г. Федотов.

У собраний был свой строгий ритуал. Мережковский, Гиппиус и председательствующий Георгий Иванов с очередным докладчиком выходили на сцену из-за кулис и размещались по установленному раз навсегда порядку за большим столом, покрытым зеленым сукном. Во время доклада реплики с мест и всякие попытки перебивать докладчика не допускались. Лишь изредка, во время доклада Мережковского, Зинаида Гиппиус вдруг вставит реплику, но и ее председатель немедленно призовет к порядку. По окончании доклада объявлялся перерыв, во время которого Г. Иванов составлял список оппонентов.

Аудитория первых лет существования «Зеленой лампы» (заседания продолжались до начала Второй мировой войны) была очень внимательной и чуткой, и, по воспоминаниям современников, каждый вечер вызывал потом долгие обсуждения присутствовавших. После прений и ответов докладчика Мережковский иногда произносил заключительное слово. Он обладал редким ораторским талантом и умел бросать самые убийственные для оппонента реплики.

С годами Гиппиус менялась, оставаясь внутренне той же, или, как выражалась она сама, изменялась, но не изменяла. И вдруг она оказалась как бы в одиночестве среди молодых эмигрантских литераторов. Молодежь, начавшая писать уже в эмиграции, застала Гиппиус в «Зеленой лампе» и на «воскресениях» у Мережковских уже другой — обращенной к вечной теме «Сияния», как называлась книга ее стихов, вышедшая в Париже в 1938 году. В ней было много горечи и разочарования, она стремилась понять новый мир и нового человека, чем этот человек жив, во что верит и что в нем истинно. Однако в чем-то основном, главным, этот новый мир от нее ускользал.

Тема свободы оставалась главной для Гиппиус на протяжении всех 12 лет собраний «Зеленой лампы». Еще при обсужде-

нии в 1927 году ее доклада «Русская литература в изгнании» она с чувством горечи говорила: «Некогда хозяин земли русской, Петр, посылал молодых недорослей в Европу — на людей посмотреть, поучиться “наукам”. А что если и нас какой-то Хозяин послал туда же, тоже поучиться — между прочим и науке мало нам знакомой — Свободе? И недоросли плакались. И недорослям путь назад был заказан, пока своего не исполнят. Мы тут стоим с утра до вечера: “Россия, Россия”, — к ней тянемся да еще гордимся — мы стоим лицом к России. А что, если, отдавая все время на это стояние, мы так и осуждены стоять и никакой России не получим?»¹²

Много лет спустя, летом 1938 года, Гиппиус написала статью «Опыт свободы» для вышедшего в следующем году под редакцией ее и Мережковского сборника «Литературный смотр». Беспощадно и точно говорила она о свободе слова в эмиграции и в прежней России, о мере свободы и значении этого понятия: «Пусть не говорят мне, что в России, мол, никогда не было свободы слова, а какой высоты достигла наша литература! Нужно ли в сотый раз повторять, что дело не в абсолютной свободе (абсолюта вообще и нигде не может быть, ибо все относительно); мы говорим о *той мере* свободы, при которой возможна постоянная борьба за ее расширение. Довоенная Россия такой мере во все времена отвечала: даже при Некрасове (его борьба с цензурой велась открыто и успешно); о годах нового века нечего и говорить... Но признаем: общая свобода в России прогрессировала медленно, и понятие ее медленно входило в душу русского человека. Он — не писатель только, а вообще русский человек — не успел еще ей как следует выучиться, когда всякую школу захлопнули... Русский человек (все равно кто, хотя бы и старый интеллигент-свободник) еще не понимает, например, что атмосфера свободы дается лишь тому или тем, кто сам свою свободу — свою собственную — умеет ограничивать; и сам за это, и за себя, отвечает»¹³.

В составе парижской делегации Гиппиус и Мережковский приняли участие в открывшемся в сентябре 1928 года в Белграде Первом зарубежном съезде русских писателей и журналистов. При Сербской академии наук была создана издательская

¹² *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа... С. 69.

¹³ Литературный смотр: Свободный сборник / Под ред. З. Гиппиус и Д. Мережковского. Париж, 1939. С. 9—10. Подробнее см. в кн.: *Гиппиус З.* Опыт свободы / Сост., предисл. Н. В. Королевой. М.: Панорама, 1996.

комиссия, которая начала выпускать «Русскую библиотеку», в которой вышла «Синяя книга» Гиппиус. Это была рукопись, которую в 1927 году привез из Ленинграда друг В. Злобина. Так настал один из немногих счастливых моментов в эмигрантской жизни писательницы, считавшей рукопись погибшей. Еще больше, чем неожиданное возвращение рукописи, поразило Гиппиус ее содержание, когда она стала перечитывать старые страницы: «Читать собственный отчет о событиях (и каких!), собственный, но десять лет не виденный — это не часто доводится. И хорошо, пожалуй, что не часто... Если ничего не забывать, так и жить было бы нельзя... Да, забвение нам послано как милосердие».

Н. Н. Берберова в предисловии к американскому переизданию «Синей книги» и других дневников Гиппиус отмечает, что перед нами «исключительный документ исключительной эпохи России». Перед нами видные деятели Февральской революции, знакомые и друзья Мережковских. «Впрочем, сказать “обоих Мережковских”, — замечает Берберова, — пожалуй, будет не совсем справедливо. Д. С. всю жизнь интересовался книгами, идеями и даже фактами (правда, не личными фактами отдельных людей, но фактами общественно-историческими) гораздо сильнее, чем самими людьми. З. Н. — наоборот. Она каждого встречного немедленно клала, как букашку, под микроскоп, и там его так до конца и оставляла»¹⁴.

Перед взятием Парижа немцами в июне 1940 года Мережковские переезжают в Биарриц на Атлантическом побережье вблизи испанской границы. Русские газеты и журналы в Париже были закрыты, и эмигрантам пришлось на время забыть о литературе. Отношение Гиппиус к фашистской Германии было довольно сложным. С одной стороны, для нее был неприемлем любой вид деспотизма, с другой — ненавидя большевизм, она готова была сотрудничать хоть с дьяволом. В письме В. Злобину 26 октября 1936 года она называла Гитлера «идиотом с мышью под носом», но надеялась, что он поможет сокрушить большевизм в России.

И все же, несмотря на страстное желание видеть Россию свободной, Гиппиус никогда не сотрудничала с гитлеровцами. Близко знавший ее Терапиано подчеркивает, что она всегда была подлинной русской патриоткой, глубоко любящей свою родину. Во время советско-финской войны ее симпатии были не

¹⁴ *Гиппиус З.* Петербургские дневники. 1914—1919. 2-е изд. Нью-Йорк: Телекс, 1990. С. 14.

на стороне Финляндии, хотя она и подписала обращение против вторжения советских войск в Финляндию.

После смерти Мережковского Гиппиус оставалась верна себе, своим трансцендентальным принципам. Узнав о смерти Мережковского уже после похорон, Ю. Терапиано пришел с друзьями навестить Зинаиду Николаевну: «В гостиную нас встретила З. Гиппиус, такая же, как всегда, и усадила на тех же местах, как прежде... Разговор начался самый обыкновенный, литературный, как на очередном воскресенье, как ни в чем не бывало!.. Смущенные таким поведением Гиппиус, мы не знали, как выразить ей цель нашего визита, как вдруг Гиппиус, обращаясь к Ю. Фельзену, который на что-то возразил ей, самым спокойным голосом сказала:

— Подождите. Сейчас Дмитрий вернется с прогулки, он объяснит вам... — Злобин из своего угла сделал нам знак, чтобы мы не протестовали. Провожая нас, Злобин на лестнице объяснил нам, что со дня смерти Мережковского Зинаида Гиппиус не в себе. Она сначала хотела выброситься из окна гостиной (выходившего на улицу), а затем вдруг успокоилась, говоря, что Дмитрий Сергеевич жив, что он живет тут же, хотя и невидимый, и стала вести с ним разговоры»¹⁵.

Имена Гиппиус и Мережковского остаются в истории русской литературы навсегда связанными, как были в самой жизни. В незавершенных воспоминаниях «Дмитрий Мережковский» она писала, что со дня свадьбы в Тифлисе они прожили с Мережковским 52 года, не разлучаясь «ни разу, ни на один день» (хотя известны кратковременные поездки одного Мережковского в Москву на несколько дней).

Для русского литературного зарубежья важнейшим был вопрос, возможно ли подлинно художественное творчество в отрыве от родной почвы. Некоторые просто так и утверждали: «Невозможно». И. А. Бунин решительно возражал им: «Выход из своего пруда в реку, в море — это совсем не так плохо и никогда плохо не было для художественного творчества... Но, говорят, раз из Белевского уезда уехал, не пишет — пропал человек». У Гиппиус, «выходчицы из Белевского уезда», этот вопрос приобрел иной аспект: как могло случиться, что после десяти лет, в которые рушилось полмира, все погибло для эмигрантов, люди продолжают писать в Париже так же и о том же, что и раньше. Однако писать по-новому и о новом в эмиграции смогло уже поколение молодых писателей, сложившееся в 1930-е годы.

¹⁵ Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа... С. 95—96.

* * *

Более столетия идут споры о наследии Зинаиды Гиппиус, поэтессы, прозаика, критика. Еще в начале прошлого века Модест Гофман, критик, близкий к символистам, писал: «Трудно отнестись вполне объективно к творчеству Зинаиды Гиппиус — его можно любить или не любить. И кому чужда современность, тому всегда останется чуждою Зинаида Гиппиус. Только история может сделать справедливую оценку ее творчества, мы же не способны на таковую, так как слишком близко стоим к ней и часто наши молитвы, молитвы нашего времени, встречаются с молитвами З. Гиппиус»¹⁶. Ибо Гиппиус считала, что истинная поэзия — всегда молитва.

В чем только не обвиняли писательницу — в декадентской извращенности в стихах, в «шелесте шелковых юбок манерных героинь» в рассказах (А. Волынский) и даже в том, что ее рассказы на тему святости пола («Тварь», «Маврушка», «Сокатил» и др.) «немногим возвышаются над порнографией» (М. Гофман). Если идеологические противники критиковали Гиппиус с позиций «пролетарской интеллигенции», как о том заявил В. Львов-Рогачевский, то так называемые друзья из своего лагеря расправлялись с ее творчеством более изощренно. Аким Волынский, познакомившийся с Гиппиус в первый день ее приезда после свадьбы в Петербург и оставивший позднее прочувственное воспоминание о ней, написал, может быть, самые язвительные строки: «...описания Гиппиус, как и вся ее художественная работа, заключают в себе глубоко спрятанную фальшь: при внешней красивости, все это страшно безжизненно, дразнит нервы, но не проходит в душу, потому что лишено души и лишено даже той силы, которая развивается в иных декадентских натурах, оторвавшихся от чего-то могущественного в собственной душе. Какой-то слабый прохладный ветерок вечно колеблет паутину Гиппиус, в которой запутались, как мухи, эти, придуманные ею, всегда маленькие, всегда бескровные человечки»¹⁷.

Даже Н. К. Михайловский, этот строгий мэтр гражданской литературы, замешанной на идеалах народничества, не шел далее того, что сравнивал технические несовершенства ее поэзии со стихами Смердякова в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

¹⁶ Гофман М. З. Н. Гиппиус // Наст. изд. С. 239.

¹⁷ Волынский А. Книга великого гнева // Наст. изд. С. 141.

Иначе подходила к Гиппиус эстетическая критика. Иннокентий Анненский в статье «О современном лиризме» дал общую характеристику достоинства поэзии Гиппиус: «Среди всех типов нашего лиризма я не знаю более смелого, даже дерзкого, чем у З. Гиппиус. Но ее мысли-чувства до того серьезны, лирические отражения ее так безусловно-верны, и так чужда ей эта разъедающая и тлетворная ирония нашей старой души, что мужская личина этой замечательной лирики [З. Н. Гиппиус пишет про себя в стихах не иначе, как в мужском роде] едва ли когда-нибудь обманула хоть одного внимательного читателя»¹⁸.

Символизм Гиппиус в поэзии и прозе получил поддержку во многих статьях и рецензиях. Лидер эсеров В. М. Чернов, например, писал о противостоянии символизма Гиппиус реализму современных ей писателей: «Реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты — всегда мыслителями. Реалисты схвачены, как прибоем, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего, — символисты, отрешенные от реальной действительности, видят в ней только свою мечту, они смотрят на жизнь — из окна. Это потому, что каждый символист, хотя бы самый маленький, старше каждого реалиста, хотя бы самого большого. Один еще в рабстве у материи, другой ушел в сферу идеальности»¹⁹.

В течение 25 лет (1890—1915) имя Гиппиус не сходило со страниц журналов и газет. В советские годы о книгах Гиппиус печатались лишь статьи, пытавшиеся перечеркнуть или исказить все ее творчество. Ее лучшие произведения, созданные за рубежом, характеризовались как «звериный лик эмигрантщины» (А. Тарасенков). Другой советский критик Д. Горбов в книге «У нас и за рубежом» (1928) утверждал: «Мертвенный свет лежит на всех произведениях этой группы (Бунин, Зайцев, Гиппиус, Мережковский). В стихах Гиппиус образ смерти централен и обнажен: это он придает ее стихам диктаторскую точность программной формулы»²⁰. В хулиганском духе, столь свойственном стихам В. Маяковского этих лет (вспомним о шести монахинях-«стервозах»), написана его заметка «Отношение к эмиграции» о «самой злостной эмиграции» в Париже. Подбирая сплетни о Гиппиус и Мережковском, Маяковский создает пугало эмиграции в жанре своих небезызвестных Окон РОСТА.

¹⁸ Анненский И. О современном лиризме // Наст. изд. С. 238.

¹⁹ Чернов В. Литературные впечатления // Наст. изд. С. 355.

²⁰ Горбов Д. У нас и за рубежом.

Наиболее глубоки и значимы высказывания о художественном наследии Гиппиус русского зарубежья, сумевшего высветить подлинный облик писательницы, хотя и здесь не обошлось без личных пристрастий.

Постоянным шаблоном советской критики были слова о том, что писатели русского зарубежья «не поняли» значения Октябрьской революции. С этого же начинали и просоветски настроенные критики в эмиграции. Марк Слоним уже в 1926 году писал, что И. А. Бунин, автор «бездарных рассказов и критических статей» в парижской газете «Возрождение», исполненных только «злости», не понял «новых людей» советской литературы. В сочинениях Бунина этот критик увидел «мир мертвых», как он характеризует один из лучших бунинских рассказов, написанных в эмиграции, «Несрочная весна». В таких же словах говорится о «непонимании» Гиппиус большевизма, означавшего для нее, в отличие от Слонима, гибель России и ее будущего. При этом Гиппиус не могла не вспомнить пророческие слова В. В. Розанова, что «новое здание» социализма «с чертами ослиного в себе повалится в третьем-четвертом поколении»²¹.

Один из наиболее талантливых очерков о Гиппиус, созданных в русском зарубежье, принадлежит С. Маковскому, перечитавшему весь архив писательницы (хранившийся у В. А. Злобина) вплоть до неопубликованных «самых личных» дневников, которые она собиралась сжечь перед смертью. Высоко оценивая созданное Гиппиус, он признает ее необычность, вызывавшую неприязнь общества: «Сразу сложилась о ней неприязненная слава: ломака, декадентка, поэт холодный, головной, со скупым сердцем. Словесная изысканность и отвлеченный лиризм Зинаиды Николаевны казались оригинальничанием, надуманной экзальтацией»²².

Поэтому и полвека спустя Гиппиус оставалась поэтом неузнанным, недооцененным критикой. «Еще совсем недавно вышла книга автора, — с сожалением продолжает Маковский, имея в виду «Одиночество и свободу» Г. Адамовича, — с которым эмиграция привыкла считаться, и в этой книге так характеризуется творчество Гиппиус: “История литературы может оказаться к З. Н. Гиппиус довольно сурова. Она почти ничего не оставила такого, что надолго людям запомнилось бы. Ее писания можно ценить, но их трудно любить. Они бывали оригинальны, интересны, остроумны, умны, порой блестящи, порой несносны, но

²¹ Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 46.

²² Маковский С. Зинаида Гиппиус (1869—1945) // Наст. изд. С. 732.

того, что доходит до сердца, — не в сентиментальном, а в ином, более глубоком и общем смысле, — то есть порыва, отказа от себя, творческого самозабвения или огня, этого в ее писаниях не было. Наиболее долговечная часть гиппиусовского наследия, вероятно, стихи, но и тут, если вообще возможна поэзия, лишенная очарования и прелести, если может быть поэзия построена на вызывающем эгоизме или даже “эгоцентризме”, на какой-то жесткой и терпкой сухости, Гиппиус дала этому пример. Талант ее, разумеется, вне сомнений. Но это не был талант щедрый, и отсутствие всякой непринужденности в нем, отсутствие “благодати” она заменила или искупила (!) той личной своей “единственностью”, которую отметил еще Александр Блок»²³.

После выхода «Собрания стихов» Гиппиус ее стали воспринимать как религиозно-философского мыслителя. Мариэтта Шагинян посвятила целую книгу («О блаженстве имущего») доказательству того, что вся поэзия Гиппиус глубоко религиозна. Именно это обращает на нее пристальное внимание современников.

В наше время все больший интерес вызывает проза Гиппиус, особенно ее яркие и острые публицистические, литературно-критические и мемуарные работы, созданные в эмиграции. Ее имя занимает почетное место в русской мемуаристике XX столетия.

З. Гиппиус остается для нас блистательной фигурой русского Серебряного века, который она, подобно другим крупнейшим писателям-эмигрантам, унесла, сохранила и продолжила после того, что было безжалостно растоптано так называемой «пролетарской культурой», переименованной в 1930-е годы в культуру советскую.

²³ *Маковский С.* Зинаида Гиппиус (1869—1945) // Наст. изд. С. 732—733.